

М. А. КИСЕЛЕВ

СУДЬБЫ ИСТОРИКОВ ПРАВА
В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ БАТАЛИЙ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

«РЕГУЛЯРНОЕ»
ГОСУДАРСТВО
ПЕТРА I
В СТАЛИНСКОЙ
РОССИИ

Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН

М. А. КИСЕЛЕВ

**«РЕГУЛЯРНОЕ»
ГОСУДАРСТВО ПЕТРА I
В СТАЛИНСКОЙ
РОССИИ**

СУДЬБЫ ИСТОРИКОВ ПРАВА
В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ БАТАЛИЙ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К 44

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Е. П. Емельянов*
доктор исторических наук *Д. А. Редин*
доктор исторических наук *В. В. Тихонов*

К 44 Киселев М. А.

«Регулярное» государство Петра I в сталинской России: Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. — СПб. : Нестор-История, 2020. — 432 с., ил.

ISBN 978-5-4469-1714-3

Книга посвящена творческому пути советских историков права 1920–1940-х гг., чьи судьбы оказались связанными с книгой Б. И. Сыromятникова «Регулярное» государство Петра I и его идеология». Первый из них — автор упомянутого сочинения Борис Иванович Сыromятников (1874–1947). Он был одним из наиболее ярких отечественных историков-правоведов первой половины XX в. Начав карьеру ученого до 1917 г., он, хотя и был во время революции антибольшевистским публицистом, решил остаться в пореволюционной России, где пережил трансформацию из дореволюционного профессора в советского научного сотрудника. В начале 1940-х гг. Сыromятников сформулировал одну из наиболее парадоксальных концепций реформ Петра I в историографии XX в. Она начала активно обсуждаться еще в 1940–1941 гг., когда Сыromятников благодаря покровительству А. Я. Вышинского стал сотрудником Института права АН СССР. После того как в 1943 г. была опубликована первая часть его книги «Регулярное» государство Петра I и его идеология», вокруг нее развернулась оживленная дискуссия, которая с 1946 г. стала органической частью «ждановщины». Второй — это Николай Алексеевич Воскресенский (1889–1948), настоящий ученый-подвижник. Третий — Серафим Александрович Покровский (1905–1973), известный не только своими научными штудиями, но и сотрудничеством с советскими карательными органами в 1934–1953 гг. в качестве секретного сотрудника. На примере их творчества, вписанного в контекст развития советской исторической и историко-правовой науки, рассматривается, как специфика институциональной среды производства научного исторического знания в СССР делала возможным выдвижение новаторских научных идей и концепций. Книга написана с привлечением обширного круга как опубликованных источников, так и неизданных материалов из одиннадцати архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга.

ISBN 978-5-4469-1714-3

9 785446 917143

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© М. А. Киселев, 2020

© Издательство «Нестор-История», 2020

Содержание

Предисловие	4
1. Интеллигент и революция.....	14
2. В новых реалиях: от профессора к академическому пенсионеру	31
3. Крутой поворот исторической политики, история права и Б. И. Сыромятников	65
4. Под покровительством А. Я. Вышинского	105
5. <i>Регулярное государство</i> Б. И. Сыромятникова	157
6. Под огнем критики, научной и не только.....	187
7. Последние успехи.....	230
8. Археограф-еретик.....	249
9. Под огнем <i>критики</i> , идеологической и не только	270
10. «Наследники» и наследие: судьба несостоявшейся «школы Сыромятникова»	307
11. <i>Регулярное государство</i> Б. И. Сыромятникова после «ждановщины»	368
Вместо послесловия: к пониманию феномена советской исторической науки.....	389
Приложение 1. Протокол заседания Группы по изучению эпохи Петра Великого от 31 октября 1945 г.	399
Приложение 2. Дополнения и уточнения к библиографии опубликованных в 1917–1948 гг. трудов Б. И. Сыромятникова	407
Библиография	413
Именной указатель.....	423
Список сокращений	429
Список источников иллюстраций.....	430

Предисловие

Моим родителям,
Александрю Валентиновичу
и Надежде Михайловне

Влияние большевистской идеологии и политики партийных и государственных органов в 20–50-е гг. XX в., включая идеологические кампании позднего сталинизма, на развитие отечественной исторической науки является активно изучаемой проблемой, которая в новейшей историографии рассматривается в ряде монографических исследований, как коллективных¹, так и авторских², и которой посвящены фундаментальные документальные пуб-

¹ Россия в XX веке. Судьбы исторической науки / под общ. ред. А. Н. Сахарова. М., 1996; Советская историография / [под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева]. М., 1996; Историческая наука России в XX веке / отв. ред. Г. Д. Алексеева. М., 1997; Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. Омск, 2005; Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006; Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг. / под ред. В. П. Корзун. М., 2011; *Груздинская В. С., Ключева А. И., Метель О. В.* Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. Омск, 2018 и др.

² *Калистратова Т. И.* Политика, опрокинутая в прошлое. (Хроника исторической науки. 1925–1938 гг.). М., 1992; *Чернобаев А. А.* «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992; *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП(б) — ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000; *Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е — начало 50-х гг. XX века. Тюмень, 2003; *Дубровский А. М.* Историки и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005; *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2006; *Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М., 2008; *Єкельчик С.* Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ, 2008; *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). М., 2009; *Гордон А. В.* Великая французская революция в советской историографии. М., 2009; *Сонин С. А.* Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011; *Юрганов А. Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011; *Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014; *Крих С. Б., Метель О. В.* Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. М., 2014; *Тихонов В. В.* Историки, идеология, власть в России XX века. М., 2014; *Он же.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб., 2016; *Бранденбергер Д. Л.* Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.).

ликации³, не говоря о диссертационных работах и многочисленных статьях. В то же время едва ли можно сказать, что перспективы, связанные с продолжением изучения этой проблемы, отсутствуют. Это обусловлено не только тем, что всякий объект, согласно (обще)известному высказыванию В.И. Ленина из «Материализма и эмпириокритицизма», *неисчерпаем* для исследования. Возможность новых направлений изысканий и открытий обусловлена как сложностью самого феномена советской исторической науки, где причудливым образом переплеталось научное знание и поиск истины с идеологией и политической конъюнктурой, так и спецификой организации науки в СССР. В рамках отраслевого разделения производства и трансляции формально единого, централизованного научного знания помимо «чистых» историков, чья дисциплина была затем закодирована в номенклатуре Высшей аттестационной комиссии шифром «07» (история), были историки литературы, историки искусства, историки философии, историки права, историки экономики. Кроме того, следует учесть, что существовали разные научные и образовательные институты, подведомственные разным органам управления. Как результат, специалисты по истории из таких смежных дисциплин и связанных с ними институций могли ускользнуть из поля зрения историографов, нередко ориентировавшихся на «чистых» историков. Это касается как периодов относительно спокойного — в идеологическом плане — функционирования науки, так и периодов идеологических кампаний.

М., 2017; *Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М., 2017; *Емельянов Е.П.* Творческий путь Н.В. Устюгова в контексте развития советской исторической науки. М.; СПб., 2017; *Гордон А.В.* Историки железного века. М.; СПб., 2018; *Мухамеджанов М.М.* От власти идеи — к идее власти: Из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.; СПб., 2018; *Илизаров Б.С.* Сталин, Иван Грозный и другие. М., 2019; *Крих С.Б., Метель О.В.* Советская историография древности: структуры, люди, идеи. Путеводитель по советской науке о древней истории. М., 2019; *Казарова Н.А.* Профессор русской истории Иван Павлович Козловский. М., 2019 и др.

³ Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2: Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1–2. СПб., 1998; Вып. 9: Обвинение. Приговор. Реабилитация. Ч. 1–2. СПб., 2015; *Историк и время. 20–50-е годы XX века.* А.М. Панкратова. М., 2000; *Сталин И.В.* Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Ч. 1. 1920–1930-е годы / сост. М.В. Зеленов. СПб., 2006; «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина. СПб., 2006; «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история. Ч. 1 / сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М., 2014 и др.

Итак, здесь мы затрагиваем весьма непростую проблему: какую роль в истории исторической науки играют специалисты по истории без дипломов об историческом образовании. Понятно, что сообщество профессиональных — дипломированных — историков не без оснований готово претендовать если не на монополию в производстве научного исторического знания, то хотя бы на господствующее положение в этом процессе. Для этого у них есть как специальные профессиональные навыки, так и соответствующая научная инфраструктура в виде образовательных и научных институций, журналов и издательств, конференций и конгрессов, диссертационных советов и т. д. В каком-то отношении история исторической науки — это история деятельности профессиональных дипломированных историков. В связи с этим нередко работы по истории исторической науки выполняют функцию памяти профессионального сообщества историков, так что одной из их целей оказывается репрезентация сообщества-в-истории, в том числе определения значимых ученых. При этом последние нередко оказываются связанными с той или иной научной школой или институцией, которые посредством их прославления поддерживают свою значимость, черпая легитимность в великих именах прошлого. Как результат, повествование об историках прошлого в ряде случаев превращается в пространство для (вос)производства и манифестации укорененной в собственной истории идентичности сообщества профессиональных историков, членищегося на множество (под)сообществ научных школ и направлений. Соответственно, можно даже попытаться представить рефлексию специалистов-историков над прошлым своей дисциплины и историографические изыскания, связанные с ними, как проявления профессионального самосознания, детерминированного социально-политическим контекстом эпохи его бытования⁴.

Мы не склонны преувеличивать влияние памяти профессионального сообщества историков на историографию. Тем не менее не стоит о нем и забывать. Как в свое время написали (а потом — зачеркнули) К. Маркс и Ф. Энгельс, «мы знаем только одну-единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей»⁵. Любая наука о человеке имеет дело с фактором

⁴ См., например: *Каппес О.* «Воинственная» наука: проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века. М., 2015. См. также рецензию на данную небезынтересную, хотя и довольно спорную работу: *Тихонов В. В.* Посттоталитарные историографии в поисках себя. Рец.: Каппес О. «Воинственная» наука: Проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века. М.: АИРО-XXI, 2015. 352 с. // Историческая экспертиза. 2018. № 3.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология (первая глава) // Маркс К. Социология. М., 2000. С. 328. Прим *.

времени и, соответственно, вынуждена обращаться так или иначе к изучению прошлого и в этом отношении превращаться в историю. Это приводит к тому, что в общественных и гуманитарных науках помимо истории есть дисциплины и направления, изучающие прошлое, изучающие *историю*, не будучи историей. И, как напоминал Ф. Бродель историкам, «историческое несобытийное исследование властно налагает необходимость контакта с другими науками о человеке»⁶. В итоге историю исторической науки оказывается невозможным свести только к истории историков-с-дипломом, ведь изучаемый историей как наукой объект в какой-то момент превращается в пространство для взаимодействия профессиональных — дипломированных — историков со специалистами по истории из других общественных и гуманитарных наук. И от участия таких специалистов в производстве и трансляции знаний об истории, несмотря на все дисциплинарные перегородки, невозможно отгородиться. Как результат, без учета их роли и вклада подчас оказывается едва ли возможным полноценно понять развитие исторической науки.

В настоящей работе по истории советской исторической науки мы собираемся обратиться к таким историкам из других общественных наук, а точнее — к творческому пути *историков права* 1920–1940-х гг., чьи научные судьбы оказались самым тесным образом связаны с напечатанной в 1943 г. первой — и последней — частью книги Б. И. Сыромятникова «“Регулярное” государство Петра I и его идеология», появление которой и последовавшая за этим дискуссия о ней оказались весьма заметными событиями в советской исторической науке, показавшими как важность дисциплинарных перегородок, так и их условность. И эта же книга затем стала одним из объектов идеологической критики в период «ждановщины», что сыграло роковую роль в судьбе некоторых историков права.

Первый из этих *историков права*, автор упомянутого сочинения — Борис Иванович Сыромятников (1874–1947), один из наиболее ярких отечественных историков-правоведов первой половины XX в., чьи биография и научное творчество до сих пор вызывают интерес⁷. Начав карьеру

⁶ Бродель Ф. Очерки истории. М., 2015. С. 73.

⁷ См.: Скрипильев Е. А. Б. И. Сыромятников — крупный ученый в области истории государства и права СССР (к 100-летию со дня рождения) // Проблемы государства и права на современном этапе. Вып. 8. М., 1974; Муравьев В. А. Б. И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в Древней Руси // История и историки. Историографический ежегодник. 1973. М., 1975; Emmons T. On the Problem of Russia's «Separate Path» in Late Imperial Historiography // Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State / ed. Th. Sanders. N.-Y., 1999. P. 171–174; Муравьев В. А. Сыромятников Борис Иванович (1874–1947) // Историки России. Биографии / сост., отв. ред. А. А. Чернобаев. М.,

ученого задолго до 1917 г., он, оставшись в пореволюционной России, пережил трансформацию из дореволюционного профессора в советского научного сотрудника. С его деятельностью в советское время оказалась переплетена судьба Николая Алексеевича Воскресенского (1889–1948), археографа-еретика и настоящего ученого-подвижника, силой обстоятельств превратившегося из историка в историка права⁸. И еще упомянем связанного с ними третьего историка права — Серафима Александровича Покровского (1905–1973), который стал известен не только своими научными штудиями, но и сотрудничеством с карательными органами в 1934–1953 гг. в качестве сексота-provokatora, подведшего под расстрел ряд невиновных людей⁹.

2001. С. 524–530; *Беленький И.Л.* Борис Иванович Сыромятников (1874–1947) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 204–213; *Тихонов В.В.* Историк «старой школы». Научная биография Б.И. Сыромятникова. Pisa, 2008; *Тихонов В.В.* Жизнь и научная деятельность Б.И. Сыромятникова // История и историки: историографический вестник. 2007. М., 2009; *Дурновцев В.И., Тихонов В.В.* Жизнь и труды историка Б.И. Сыромятникова. М., 2012; *Багаутдинов Ф.Н.* Известные юристы в Татарстане. Казань, 2012. С. 238–259; *Муравьев В.А.* Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX — начала XX в. М., 2017. С. 212–288; *Эммонс Т.* Проблема «особого пути» России в позднеимперской историографии // «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М., 2018. С. 164–168.

⁸ *Федосеева Е.П.* Документальные материалы Н.А. Воскресенского в архивных хранилищах Ленинграда и Москвы // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977; *Киселев М.А.* Н.А. Воскресенский: историк вне корпорации // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск, 2011; *Serov D. O.* Dramatic Destiny of Nikolai Voskresenskiy, a Russian Law Historian // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1; *Серов Д.О.* Н.А. Воскресенский (1889–1948) — подвижник науки истории русского права // Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М., 2017. Научное наследие Н.А. Воскресенского существенно помогло автору настоящих строк при работе над кандидатской диссертацией о российском промышленном законодательстве первой четверти XVIII в., защищенной в 2010 г. И именно тогда возник вопрос: кем был Н.А. Воскресенский и почему был опубликован только первый том его «Законодательных актов Петра I»? В немалой степени именно под влиянием этого вопроса, основанного в том числе и на благодарности к труду предшественника, у меня и зародился интерес к теме настоящей книги.

⁹ *Ваксберг А.И.* «...Торговал людьми поштучно» // Литературная газета. 1992. № 6; *Серов Д.О.* Н.А. Воскресенский (1889–1948) — подвижник науки истории русского права. С. 38–40, 55–56.

История, включая и историю исторической науки, пишется не только о хороших людях. Она — здесь используем важное высказывание Л. фон Ранке — пишется о том, «что происходило на самом деле»¹⁰, пусть это и не должно вести к тому, чтобы историк лишь набирал «массу фактов, чтобы заполнить гомогенное и пустое время»¹¹. Не отрицая онтологической функции истории по своеобразному воскрешению прошлого¹², следует помнить, что *заполнение фактами пустого времени* возможно только в логике нарративов, создающих лишь видимость исторической непрерывности. Тем не менее (пред)история — это то, что произошло с человечеством, и от этого — пока — не уйти. Поэтому важно помнить и следующее явно недооцененное наблюдение В. Беньямина о том, что «происхождение всех произведений искусства и науки <...> не может не вызывать содрогания. <...> Нет документа культуры, который не был бы одновременно и документом варварства»¹³. В этом отношении сталинская Россия — не исключение. Ее документы культуры — это одновременно и документы варварства, что, впрочем, верно и для иных типов общественного устройства, включая и современное общество¹⁴, так что человечеству еще предстоит приложить немалые усилия в поиске путей своего возрождения¹⁵. Это самым непосредственным образом связано с проблемой осмысления феномена советской историографии, составной частью которой оказались сочинения Б. И. Сыромятникова, Н. А. Воскресенского и С. А. Покровского. Ведь, как отмечает Л. А. Сидорова, «политика и идеология занимали в советской исторической науке настолько значительное место, что это обстоятельство на два с лишним десятилетия постсоветской историографии предопределило первенствующий интерес к этой составляющей деятельности советских историков». Однако к настоящему времени все больше становится очевидным, что «политика и идеология далеко не всегда и не полностью определяли лицо советской

¹⁰ Цит. по: Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 631.

¹¹ Беньямин В. О понятии истории // Новое литературное обозрение. 2000. № 6. С. 87.

¹² Ср.: Уваров П. Ю. Апокатастасис, или Основной инстинкт историка // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2000. Вып. 3. М., 2000; Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015. С. 10–32.

¹³ Беньямин В. Эдуард Фукс: коллекционер и историк // Беньямин В. О коллекционерах и коллекционировании. М., 2018. С. 38. См. также: Он же. О понятии истории. С. 83; Айленд Х., Дженнингс М. У. Вальтер Беньямин: критическая жизнь. М., 2018. С. 568–574.

¹⁴ Ср.: Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. М., 2019. С. 16–17.

¹⁵ Ср.: Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000. С. 49.

исторической науки»¹⁶. Раз так, то, изучая последнюю, необходимо учитывать не только влияние политики, но и также специфику и направленность исследовательских поисков, их имманентную научную логику.

При этом мы исходим из того, что история науки — это не только история взаимодействия «чистых» идей, которые могут как образовывать научные парадигмы, так и функционировать в рамках последних. Это и история людей, которые продуцируют и распространяют идеи в определенных условиях и контекстах. Чтобы понять ход развития науки, в том числе и исторической, недостаточно только проанализировать набор научных текстов. Для этого необходимо учитывать как институциональные, так и антропологические аспекты производства, распространения и освоения научного знания, изучение которых предполагает и привлечение определенных источников. Соответственно, в рамках такого институционально-антропологического подхода в настоящей работе особое внимание будет уделено следующему: 1) институционально-организационным аспектам производства и распространения знания, для чего необходимо обращение к делопроизводственной документации научных и связанных с управлением наукой учреждений, частью которой являются стенограммы и протоколы различных обсуждений, а также к публикациям о научной жизни, содержавшимся, как правило, в научной же периодике; 2) неформальным взаимоотношениям между учеными, что предполагает работу, прежде всего, с источниками личного происхождения (перепиской, дневниками, мемуарами)¹⁷; 3) социально-политическому контексту

¹⁶ *Сидорова Л.А.* Советские историки: духовный и научный облик. М., 2017. С. 7.

¹⁷ Кроме архивных материалов нами, помимо прочего, были использованы следующие публикации таких источников: Академик П. О. Горин: Документы и материалы / сост. Н. В. Токарев. Минск, 2011; *Антонова С.И.* Воспоминания советского человека. М., 2014; *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея / отв. ред. С. О. Шмидт; публ. Е. В. Неберекутиной и Т. В. Сафроновой. М., 2011; *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990; *Ваксберг А.И.* Моя жизнь в жизни. Т. I. М., 2000; *Ганелин Р.Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб., 2004; *Греков Б.Д.* Письма (1905–1952 гг.) / сост. В.Г. Бухерт. М., 2019; Дневник историка С.А. Пионтовского / отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. Казань, 2009; Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов / сост. В.М. Паннеях. СПб., 2010; *Зимин А.А.* Храм науки (Размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015; *Иванова Т.В.* Мои современники, какими я их знала: Очерки. М., 1987; Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М., 2000; *Каминская Д.И.* Записки адвоката. М., 2009; *Кулагина Г.А.* Свидетель века.

рассматриваемого периода, для понимания которого в советскую эпоху необходимо привлекать опять же материалы периодики, т. к. именно посредством последней, как правило, до советских граждан доводились директивные идеологические указания. На наш взгляд, периодика как источник по истории советской исторической науки иногда недооценивается. Для ряда представителей сообщества историков, занимающихся Новым временем, характерен пиетет перед архивными поисками, одним из следствий чего может явиться своеобразный «архивный фетишизм», когда приоритет отдается источникам, хранящимся в архивах. Однако для обществ с развитой публичной сферой подчас не менее принципиальным отказывается не только то, о чем говорят за закрытыми дверями, но и то, с чем открыто обращаются *urbi et orbi*. Для науки как нововременного феномена публичная коммуникация также является важнейшим процессом. В ее советском изводе она подразумевала как получение директивных указаний из партийной прессы, так и более жесткую (само)цензуру. Соответственно, советская специфика еще в большей степени требует использования материалов периодики, ведь обращение к ней позволяет лучше понять границы как партийного диктата, так и возможностей для публичного высказывания. По этой причине, хотя в настоящем исследовании и привлекаются документы из 11 архивохранилищ Москвы¹⁸ и Санкт-Петербурга¹⁹, в нем также с максимальной возможностью используются и материалы более 30 советских периодических изданий²⁰,

Екатеринбург, 2005; *Курская А. С.* Пережитое. М., 1965; *Павленко Н. И.* Воспоминания историка. М., 2016; *Станиславский К. С.* Собрание сочинений в 9 томах. Т. 9. Письма. 1918–1938. М., 1999; *Черепнин Л. В.* Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1 / сост., общ. ред. В. Д. Назарова. М., 2015; *Шахназаров Г. Х.* С вождями и без них. М., 2001.

¹⁸ Архив Российской академии наук; Государственный архив Российской Федерации; Научный архив Института российской истории Российской академии наук; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки; Российский государственный архив литературы и искусства; Российский государственный архив социально-политической истории; Центральный государственный архив города Москвы.

¹⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки; Российский государственный архив Военно-морского флота; Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук; Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.

²⁰ Газеты: Известия; Коммуна (Воронеж); Культура и жизнь; Литературная газета; Правда; Сталинец (Свердловск); Учительская газета. Журналы: Большевик; Вестник Академии наук СССР; Вестник высшей школы; Вопросы истории; За социалистическую законность; Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права; Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии;

работа с которыми в ряде случаев требовала сплошного просмотра всех номеров за интересующие нас годы.

Итак, именно комплексная работа как с идейными, так и с институционально-антропологическими аспектами должна лежать в основе исследования по истории исторической науки, по крайней мере там, где это позволяет сохранность и доступность соответствующих источников.

Прежде всего, я хотел бы выразить благодарность В.Д. Камынину, который был моим научным руководителем во время обучения в СУНЦе УрГУ в 1999–2001 гг. Владимиру Дмитриевичу я обязан интересом к историографической проблематике и к истории советской исторической науки, а также первым навыкам историографического исследования²¹. Затем хотелось бы высказать свою большую признательность Е.П. Емельянову, Д.А. Редину и В.В. Тихонову, взявшим на себя труд прочитать данное исследование в качестве рецензентов. Благодаря изменениям, внесенным на основании их ценных замечаний и рекомендаций, настоящая книга явно стала лучше. При этом, естественно, все ее недостатки остаются на совести автора данных строк.

Одним из главных выводов, пусть и до некоторой степени банальным, является наблюдение о важности для продуктивной, творческой деятельности историка как институционально-организационной, так и человеческой среды. Несмотря на непростое бытие отечественной науки в настоящее

Историк-марксист; Исторический журнал; Каторга и ссылка; Молодая гвардия; Народное образование; Новый Восток; Новый мир; Под знаменем марксизма; Право и жизнь; Преподавание истории в школе; Революция права; Советская книга; Советская юстиция; Советское государство; Советское государство и право; Советское государство и революция права; Социалистическая законность.

²¹ В дарственной надписи на книге «Выбор пути. История России 1939–2000. Екатеринбург, 2001», одним из авторов которой был В.Д. Камынин, подаренной последним автору настоящих строк 20 апреля 2001 г., Владимир Дмитриевич выразил надежду, что «в будущем он (М.А. Киселев. — М.К.) заменит меня на научном и преподавательском поприще». Безусловно, это был более чем щедрый аванс со стороны профессора и доктора исторических наук старшекласнику, которому только еще предстояло поступить на исторический факультет. Могу надеяться, что с учетом данного исследования, а также того, что в настоящее время мною на историческом факультете Уральского федерального университета читается часть курса «Историография отечественной истории», посвященная отечественной исторической науке XX — начала XXI в., которую ранее на факультете — в том числе и в мою бытность уже студентом — вел В.Д. Камынин, я пока соответствую возложенным в свое время на меня надеждам.

время (но когда оно было простым?), на наш взгляд, можно констатировать, что такая благоприятная среда продолжает существовать в Институте истории и археологии УрО РАН и Уральском федеральном университете. В связи с этим мне бы хотелось высказать благодарность за содействие и помощь во время работы над исследованием своим коллегам из лаборатории эдиционной археографии УрФУ, особенно ее заведующему Д. А. Редину и Я. А. Лазареву, и коллегам из лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований ИИА УрО РАН, особенно ее заведующей Н. В. Суржиковой и К. Д. Бугрову, а также директору ИИА УрО РАН И. В. Побережникову. И последнее — по порядку, но не по значению: автор настоящих строк хотел бы выразить благодарность за поддержку всей своей семье. Да, нередко влияние семьи на творческий путь ученого непросто определить, а подчас и невозможно реконструировать. Тем не менее оно может играть немаловажную роль, и о нем не стоит забывать.

1. Интеллигент и революция

К 1917 г. академическая карьера Б.И. Сыромятникова в целом шла в гору¹. Правда, в 1911 г. он, будучи приват-доцентом Московского университета, уволился оттуда вместе с группой либерально настроенных преподавателей в знак протеста против политики, проводимой министром просвещения Л.А. Кассо. Однако, с учетом специфики статуса приват-доцента, это место не было основным источником заработка. Согласно воспоминаниям С.Ф. Кечежяна, младшего современника Сыромятникова, бывшего к началу 1918 г. приват-доцентом юридического факультета Московского университета², «вопрос о зарплате был большим вопросом, он заботил молодых ученых и обуславливал огромный отсев научной молодежи. Очень немногие из тех, кому довелось быть оставленными при университете, добились звания профессора»³. Похоже, что для Сыромятникова одним из основных источников заработка к 1917 г. была работа в Константиновском межевом институте. В 1906 г. он был приглашен туда в качестве *приватного преподавателя* для ведения курса по истории русского права⁴, в сентябре 1913 г. определен младшим преподавателем⁵, а буквально накануне свержения монархии — с 1 января 1917 г. — был назначен экстраординарным профессором⁶. К 1918 г. в этом институте он преподавал историю русского права и русского землевладения, а также являлся секретарем институтского Совета. Более того, с 1917 г. Сыромятников стал проживать в квартире при этом учреждении⁷. Межевым институтом его преподавательская деятельность от-

¹ См. о биографии и научной деятельности Б.И. Сыромятникова до 1917 г.: *Муравьев В.А.* Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX — начала XX в. С. 212–288; *Тихонов В.В.* Историк «старой школы». Научная биография Б.И. Сыромятникова. С. 11–25.

² Наука в России: Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 года. Вып. II: Москва. Пг., 1922. С. 3. С.Ф. Кечежян числился на кафедре энциклопедии и истории философии права. Среди его коллег на этой кафедре были П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, И.А. Ильин и Н.В. Устрялов.

³ Цит. по: *Шебанов А.Ф.* Юридические высшие учебные заведения. М., 1963. С. 27.

⁴ Памятная книжка Константиновского Межевого института за 1906–1907 год. М., 1907. С. 2. В тот же год в качестве приватного преподавателя для чтения курса по истории русского землевладения был приглашен Ю.В. Готье.

⁵ Приказы по ведомству Министерства юстиции // Журнал министерства юстиции. 1913. № 8. С. 53.

⁶ *Семенов А.М.* Б.И. Сыромятников: иваново-вознесенские страницы биографии // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы VII Международной научной конференции. Иваново 13–14 февраля 2008 г. Иваново, 2008. С. 289; Извлечение из высочайших приказов по гражданскому ведомству // Журнал министерства юстиции. 1917. № 1. С. 49.

⁷ Наука в России: Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 года. Вып. II. С. 21. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 14. Д. 132. Л. 2 об. В октябре 1918 г. Б.И. Сыромят-

нюдь не ограничивалась. В качестве доцента Коммерческого института он читал историю русского права и русскую историю, а на юридическом факультете Высших женских юридических и историко-филологических курсов, учрежденных В. А. Полторацкой, и в Московском городском университете им. А. Л. Шанявского преподавал историю русского права⁸.

Что до места Б. И. Сыромятникова в производстве научного знания и признания в научных кругах, то здесь ситуация была непростой. Он был автором ряда статей и очерков по историографии и истории русского права с древнейших времен до XIX в. При этом Борис Иванович являлся сторонником не самой популярной концепции существования в русской истории феномена *феодальных отношений*. Последним Сыромятников намеревался посвятить специальный монографический труд «Происхождение феодальных отношений в Древней Руси», который он хотел представить как докторскую диссертацию. Однако даже его первая часть об историографии вопроса, озаглавленная «Традиционная теория русского исторического развития», так и не была издана, хотя Сыромятников в 1911 г. уже имел на руках корректурные экземпляры. По причине того, что он уволился из-за «дела Кассо», в Московском университете приняли решение рассыпать набор. Более того, правление Московского университета попыталось взыскать через суд деньги, затраченные на издание, что даже обсуждалось в 1914 г. в Государственной думе⁹. Такая судьба книги была большим ударом для Бориса Ивановича. Тем не менее Сыромятников продолжал свою научную деятельность как историк права, и в 1915 г. у него вышел большой монографический очерк об истории суда в России с древнейших времен до первой трети XIX в.¹⁰, который получил довольно высокую оценку у коллег. Так, А. А. Кизеветтер в своей рецензии отзывался об этом очерке как о «блещущей талантом» статье и отметил, что «к этой живой и талантливой

ников смог получить охранную грамоту Народного комиссариата просвещения на свою библиотеку, в которой указывалось, что она представляла научную ценность и не подлежала «реквизиции, равно как и помещение, ею занятое». В итоге Басманный совет рабочих депутатов разрешил занять Сыромятникову и его семье 3 комнаты в квартире № 2, находившейся в доме № 4 в Гороховском переулке, в которой он, в общем-то, ранее и проживал (ОР РГБ. Ф. 366. К. 30. Д. 5. Л. 15). В этой квартире Сыромятников жил до самой своей смерти.

⁸ Наука в России: Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 года. Вып. II. С. 38, 34, 40.

⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия II. Заседание № 85. 16 мая 1914 г.: Стенографический отчет. Стб. 773.

¹⁰ Сыромятников Б. И. Очерк истории суда в древней и новой России. (До издания Свода Законов) // Судебная реформа. Т. I / под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М., 1915.

статье не раз будут обращаться интересующиеся русской историей и историей русского права»¹¹.

Кроме того, к 1917 г. Б. И. Сыромятников был известен как активный культуртрегер, являвшийся одним из основателей и председателем Московского общества народных университетов¹². После свертывания революции 1905–1907 гг., во время которой он был близок к так называемым левым кадетам и писал публицистические статьи для московских газет «Современник» и «Век», в 1907 г. Борис Иванович выдвинул лозунг «Политическое образование, как очередная задача нашего времени». Он размышлял о причинах неудач революции и, похоже, находил причины этого не столько в социально-экономической сфере, сколько в культуре. Например, в 1912 г. Сыромятников писал, что «“политика”, овладевшая русским обществом в годину борьбы за конституционные “свободы”, в значительной мере оставалась чуждой широким народным массам, которые совершенно не были подготовлены к сознательной гражданской жизни. Вводя эти массы сразу в круг готовых уже, но в высшей степени сложных понятий и проблем, политический оратор недавних дней в сущности задавал непосильную задачу народному уму и совести»¹³. Соответственно, просвещение народных масс оказывалось для него важнейшей насущной политической задачей.

Рассуждая в культуртрегерской логике, в 1907 г. Б. И. Сыромятников утверждал, что «Россия переживает величайший исторический переворот. Будущий историк русской революции назовет современную эпоху — эпоху крушения *последней* абсолютной монархии. И действительно, Россия до сих пор была последней и самой могучей позицией абсолютизма, с которым окончательно уже разстались все культурные народы. В этом факте заключается огромное, всемирно-историческое значение нашего освободительного движения». Получалось, что «теперь <...> русское общество <...> начинает не только политически мыслить, но и политически жить. До сих пор мы были только “подданными”, теперь мы стали *гражданами*». Однако являться настоящим *гражданином* означало «принимать сознательное, планомерное участие в созидательной творческой работе общественных сил». Это было возможно лишь при достижении определенного уровня сознательности и образованности. Соответственно, интеллигенции следовало помочь народу «поработать над своим собственным образованием»¹⁴.

¹¹ Кизеветтер А. История русского суда и судебной реформы // Русские ведомости. 1915. 20 февраля. № 41. С. 5.

¹² Вся Москва на 1917 год. М., 1917. Стб. 974.

¹³ Сыромятников Б. И. Что дает народный университет. М., 1912. С. 5.

¹⁴ Сыромятников Б. И. Политическое образование, как очередная задача нашего времени // Для народного учителя. 1907. Кн. IV. С. 3–4.

Здесь необходимо подчеркнуть, что Борис Иванович довольно болезненно воспринял поражение революции 1905–1907 гг. и последовавшие за этим политические события. Да, *абсолютизм* в России получил мощнейший удар. Тем не менее он еще не был окончательно побежден. В связи с этим в 1912 г. Борис Иванович заявлял, что «Россия переживает трагический период полного упадка и разложения общественной жизни, когда зрелище разбитых надежд убило всякую веру в жизненный идеал и темные силы разнузданной реакции с диким злорадством топчут молодые всходы жизни, разжигая человеконенавистнические чувства, попирая права и достоинство человека»¹⁵. В условиях такой *реакции* он видел возможности для упрочения половинчатых демократических завоеваний революции и, соответственно, подготовки победы в России конституционного *правового государства* именно в пространстве культуры, где можно было работать над воспитанием *граждан*. Исходя из таких культуртрегерских идей, уже в 1916 г. Сыромятников заявлял: «Культура — едина, основная же тенденция и цель ее развития в новейшее время это — *ея демократизация, ея обобществление*. Пасынки культуры властно требуют своей доли участия в ее благах, и задача XX века заключается, именно, в том, чтобы сделать чистые и светлые источники духовной культуры доступными для всех. Пропасть, которая отделяет еще культурное меньшинство от почти лишенного всякой культуры большинства, должна быть засыпана»¹⁶. Основываясь на этом, он формулировал задачу, над решением которой сам работал уже ряд лет, будучи активным деятелем, а затем и руководителем Московского общества народных университетов: «Образовывать и воспитывать народные массы возможно и должно только путем приобщения их к лучшим сокровищам культуры, только проводя их через школу лучших культурных влияний... Но для этого, конечно, надо окружить народ в его повседневной жизни целой сетью культурных учреждений, поставить его под постоянное воздействие культурно-воспитательных влияний»¹⁷.

¹⁵ Сыромятников Б.И. Сергей Николаевич Трубецкой // Вестник права и нотариата. 1912. № 31. С. 939.

¹⁶ Сыромятников Б.И. Всенародная книга // Полвека для книги. 1866–1916. Литературно-художественный сборник, посвященный 50-летию издательской деятельности И.Д. Сытина. М., 1916. С. 236–237.

¹⁷ Там же. С. 238. См. о культуртрегерской деятельности Б.И. Сыромятникова до 1917 г.: Демина Л.И., Мохначева М.П. К вопросу о научно-просветительской деятельности историков Московского университета в 1906–1914 годах // Российские университеты в XIX — начале XX века. Вып. 2. Воронеж, 1996; Тихонов В.В. Б.И. Сыромятников и Московское общество народных университетов // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 2. М., 2008.

Б. И. Сыромятников не без некоторого патриотизма и даже оптимизма встретил начало Первой мировой войны. В связи с этим в 1914 г. он заявлял, рассмотрев *национальный вопрос* в Австро-Венгерской империи: «Суд истории приближается. Приближается к своему разрешению и национальный вопрос Австро-Венгрии, для которой он <...> сводится к ликвидации самой империи Габсбургов, утвердившей свою силу на слабости угнетенных и разобщенных ея усилиями народностей, загнанных под ударами судьбы под власть немецкой династии». При этом Сыромятников писал, что «не подлежит уже более сомнению в каком направлении во имя каких начал должен совершиться этот великий суд. Эти начала уже заявлены громко перед лицом всей России и всего цивилизованного мира, они провозглашены в исторических “воззваниях” Верховного Главнокомандующего славной русской армии — это начало “свободы языка, веры и самоуправления!” Это те самые начала, без которых не может нормально развиваться государство, включающее в своих пределах разноязычные и разноплеменные народные элементы»¹⁸. Вполне возможно, что Борис Иванович допускал, что *освободительная* — для народов Австро-Венгрии — война будет способствовать распространению демократических режимов в Европе, что в свою очередь будет благотворно влиять и на демократизацию политического строя России.

Поражения, постигшие российскую армию в 1915 г., заставляли задумываться не только о судьбах народов Европы, но и внутреннем положении России, на которое Б. И. Сыромятников смотрел как историк. Летом 1915 г. он утверждал, что *война* открыла «нам глаза на нашу *внутреннюю* слабость, на опасное состояние нашего “тыла”. <...> Мировая война, начавшаяся, казалось, при таких благоприятных ауспичиях для нас, с убийственной логикой вновь обнаружила перед всеми нами печальные, тревожные последствия всероссийского народного невежества». Размышляя о причинах поражений, Борис Иванович утверждал: «При всяком глубоком общественном потрясении русская жизнь всегда и роковым образом упирается прежде всего в исконный тупик национального истинно-русского невежества и нашей культурной немощи, которая дает себя жестоко чувствовать на всех поприщах жизни как в сфере экономических, государственных, так и общественных отношений». И затем не без горечи он писал: «Искусственно и даже насильственно задержанные в своем развитии народные потребности <...> жестоко мстят за себя катастрофическими потрясениями народной жизни». Впрочем, он уповал на то, что «при этом всякий раз, когда над головой русского человека ударял “внезапно” гром роковых собы-

¹⁸ Сыромятников Б. И. Империя Габсбургов и национальный вопрос // 1914 год. Сборник / под ред. С. А. Лопашова. М., 1914. С. 144.

тий, в сознании массы населения и образованного общества с новой силой вставал вопрос о нашей всеобщей некультурности и в стране начинался новый подъем движения в сторону широкой *демократизации* просвещения и культуры. Явление это с закономерной правильностью повторялось как во времена глубоких мирных переворотов, так и в эпохи бурных потрясений внутреннего уклада и внешнего положения России»¹⁹. Такими примерами для него были движения после отмены крепостного права 19 февраля 1861 г. и принятия Манифеста 17 октября 1905 г. Соответственно, он полагал, что «в наши дни Россия еще и еще раз глубоко, трагически ощущает свое культурное безсилие, новым порывом устремляясь к источникам света и знания»²⁰. И этому, на его взгляд, должен был содействовать институт *внешкольного образования*. Ведь основной функцией *школьного образования* должно быть распространение, прежде всего, *грамотности*, в то время как функцию того, что можно описать как распространение культуры, *воспитание масс*, и фактически воспитание гражданина, должно на себя взять образование *внешкольное*²¹.

24 марта 1916 г. Б. И. Сыромятников опубликовал газетную заметку, посвященную умершему выдающемуся российскому историку и социологу М. М. Ковалевскому. Характеризуя его деятельность, Борис Иванович заявлял: «Ковалевский, вместе с тем, не только умел **вносить жизнь в науку, но и науку в жизнь** (выделено нами. — М. К.). Он был не только кабинетным исследователем и чтецом истлевших хартий, но в то же время и пламенным патриотом, благородным гражданином и убежденным общественным деятелем. <...> Всегда живо откликаясь на события русской жизни, М. М., как только получил возможность вернуться в Россию, тотчас же становится в первые ряды русского гражданства, то как член 1-й Государственной Думы, то как член Государственного Совета и лидер его прогрессивной группы, одновременно организуя партию демократических реформ и издавая и редактируя сначала политическую газету “Страна”, а затем журнал “Вестник Европы”»²². Похоже, именно такой тип учебного-гуманитария, не просто овладевшего научным знанием, а и с опорой на него — как гражданин! — принимавшего участие в политике, был наиболее близок Сыромятникову. Он пытался соответствовать ему и продолжал свою культуртрегерскую деятельность, которая в интересах войны

¹⁹ Сыромятников Б. И. Внешкольное просвещение народа // Для народного учителя. 1915. № 12. С. 1–2.

²⁰ Там же. С. 3.

²¹ Там же. С. 9–11.

²² Сыромятников Б. И. М. М. Ковалевский // Русское слово. 1916. 24 марта. № 69. С. 2.

приобретала черты деятельности пропагандистской. Так, Борис Иванович, поддерживая идею войны до победного конца, выступал с публичными лекциями о войне, во время которых критиковал и немецкий империализм. Не всегда его критика встречала понимание. Например, в 1916 г. социалист А. А. Дробыш-Дробышевский, ознакомившийся с тезисами Сыромятниковского выступления, замечал: «Политика не его специальность, но можно было думать, что молодой талантливый ученый и в эту область внесет привычки научного мышления. Что научная дисциплина обязывает осторожно относиться ко всему, взвешивая слова свои». Именно такого *осторожного* подхода, по мнению Дробыш-Дробышевского, не хватало Сыромятникову. Он высказал следующие сомнения по поводу некоторых тезисов из лекции последнего: «Я очень сомневаюсь, чтобы философия Штирнера и Ницше входила в программу пангерманизма и чтобы пророком этой философии был император Вильгельм. <...> Он утверждал, что забастовочное движение в России перед войной было создано Германией. Что на него Германия рассчитывала — это несомненно, но говорить, что оно было создано Германией — это больше, чем опрометчиво»²³. Однако Сыромятникова, скорее всего, занимал вопрос не столько о научной точности, сколько о возможности воздействовать на умонастроение своих слушателей, чтобы поспособствовать патриотическим и антинемецким настроениям. При этом, конечно, Борис Иванович едва ли взирал на положение дел в стране без критики. Наблюдая нараставший внутренний кризис империи, историк решил более активно проявить себя в пространстве политики и в конце 1916 г. принял участие в выборах в Московскую городскую думу как сторонник «Прогрессивного блока». 6 декабря Борис Иванович был избран гласным²⁴.

Заметим, что в том же 1916 г. в семейной жизни Б. И. Сыромятникова произошли важные события, которые могли казаться революционными для части общества. Их описала в воспоминаниях Тамара Владимировна Иванова, в девичестве Каширина. Согласно мемуарам Ивановой, ее мать Мария Потаповна Каширина, в девичестве Окунева, дочь владельца транспортной конторы, происходившего из крепостных крестьян, в двадцать лет поговору была выдана замуж за сына фабриканта Каширина. И если ее супруг Владимир Алексеевич «с первого взгляда влюбился в невесту», то «она дала согласие только из уважения к родителям». Получившая неплохое до-

²³ *Перо [Дробыш-Дробышевский А. А.].* Случайные заметки // Нижегородский листок. 1916. 9 февраля. № 39. С. 3. Авторство указано: М. Горький в нижегородской-горьковской печати 1893–1958. Библиографический указатель. Горький, 1960. С. 199.

²⁴ Прогрессивная дума // Искры. 1917. № 2. С. 12–14.

машнее образование и сильно приохотившаяся с юности к чтению, «Мария Потаповна мечтала об “ином” и всюду это “иное” выискивала». Когда в одном из диких, безысходно скучных, родственных домов Мария Потаповна встретила профессора юридического права Бориса Ивановича Сыромятникова, человека действительно “иного” мира, она не смогла остаться равнодушной». Под влиянием этого знакомства она «совершила и вовсе невероятный для ее среды поступок — записалась вольнослушательницей в народный университет Шанявского»²⁵. Этим отношения купчихи и профессора, который, возможно, первоначально видел в Марии Потаповне лишь одно из доказательств того, что в *народе* есть стремление к культуре, которое следует поощрять, не ограничились.

Вяч. Вс. Иванов, внук Марии Потаповны и сын Тамары Владимировны, говоря о своей семейной истории, сказал следующее: «Моя <...> бабушка, которая заслушалась лекциями молодого профессора Бориса Ивановича Сыромятникова, историка русского права. Она влюбилась. Я знаю это со слов мамы. Она ей сказала: “Тамара, у меня к тебе серьезный разговор”. Значит, Тамаре семнадцать лет, ну, бабушке сорок с чем-то. И бабушка ей говорит: “Ты знаешь нашу жизнь. Я влюбилась. Что делать, как быть?” И мама моя с революционным энтузиазмом, конечно, говорит: “Бросай эту купеческую среду”. И благословила ее»²⁶. Дополнительная сложность заключалась в том, что Борис Иванович также был несвободен: у него была жена Евгения Карловна (ум. 1957) и двое детей — дочь Вера (1903–1963) и сын Дмитрий (1905–1992)²⁷. Тем не менее Борис Иванович «ушел от своего семейства»²⁸. По словам Т. И. Ивановой, Мария Потаповна ушла к нему «в 1916 году, за год до февральской революции, когда устои ее среды и быта существовали еще нерушимо во всей своей косности, 45-ти лет от роду (тогда женщина этого возраста считалась если не старой, то уж, во всяком случае, пожилой), имея троих взрослых детей и прожив в замужестве 24 года». И, как подчеркивает Тамара Владимировна, «из, в общем-то, очень обеспеченной жизни Мария Потаповна ушла в полную неизвестность и неопределенность. Ее добрейшая мать <...> Евфросинья Васильевна, не могла понять

²⁵ *Иванова Т. В.* Мои современники, какими я их знала: Очерки. М., 1987. С. 490–491, 492, 520–521.

²⁶ *Якович Е.* И Бог ночует между строк. Вячеслав Всеволодович Иванов в фильме Елены Якович. М., 2019. С. 67.

²⁷ Новодевичий мемориал. Некрополь Новодевичьего кладбища / авт. и сост. С. Е. Кипнис. М., 1995. С. 171. В письме 1939 г. Б. И. Сыромятников упоминал, что его сын Дмитрий был инженером-преподавателем Московского авиационного института (РГАЛИ. Ф. 2304. Оп. 1. Д. 810. Л. 2).

²⁸ *Якович Е.* И Бог ночует между строк. Вячеслав Всеволодович Иванов в фильме Елены Якович. С. 67.

своей “взбалмошной”, как она говорила, дочери и прокляла ее, по всем правилам своей деревенско-купеческой среды. Старшие братья Марии Потаповны, попытавшись ее образумить и наткнувшись на недюжинное сопротивление, отвернулись от нее напрочь, хоть и не с проклятиями». Новая семейная жизнь оказалась непростой: «Она, конечно, любила своего нового, вернее, своего единственного (ведь Владимир Алексеевич не был ею выбран, а всего лишь навязан ей), избранника. Но любила она в нем не человека, как он есть, а свою мечту об “иной жизни”, в нем воплотившуюся. Однако эта “иная” жизнь у нее не ладилась. Она не умела вести хозяйство без помощи кухарки и горничной, не умела сама себя обшивать, не понимала, что нельзя изучить стенографию, будучи малограмотной». При этом Сыромятников не сошелся с ее дочерью Тамарой «ни во взглядах, ни характерами». По ее словам: «Профессор считал, что я оказываю на маму дурное влияние, поощряю ее “бунтовать”. А меня он глубоко разочаровал в моих идеалистических представлениях о том, что такое любовь и как она должна проявляться»²⁹. Несмотря на все это, Мария Потаповна до конца жизни Бориса Ивановича была его верной спутницей.

В 1917 г. союз Бориса Ивановича с Марией Потаповной, всколыхнувший патриархальный купеческий мир Москвы, мог казаться знамением появления новой России, переходившей к более прогрессивным формам своего общественно-политического бытия. Сам Б. И. Сыромятников Февральскую революцию принял как закономерное явление, и как историк-гражданин разъяснял читателям в 1917 г., что «природа человека, всех людей — одинакова, поэтому и общечеловеческая культура — едина, и условия исторического развития народов также везде и всюду — при всех своих внешних отличиях — одни и те же. В этом смысле и русскому народу приходится теперь решать, в ходе русской революции, те же самые вопросы и теми же способами, как это имело место ранее у других народов»³⁰. В то же время Борис Иванович не без определенных опасений наблюдал за развитием революции, в связи с чем заявлял, что *граждане* России «должны проникнуться <...> чувством ответственности и всячески предупреждать и пресекать все попытки самоуправной отмены и переустройства действующих учреждений на местах, что приведет лишь к новой государственной и общественной разрухе и до крайности осложнит работу временного правительства»³¹.

²⁹ Иванова Т. В. Мои современники, какими я их знала. С. 521–522.

³⁰ Сыромятников Б. И. Верховенство народа и Учредительное собрание. М., 1917. С. 5.

³¹ Сыромятников Б. И. Задачи временного правительства // Русское слово. 1917. 16 марта. № 60. Примечательно, что в этом же номере газеты была опубли-

На внеочередных выборах в Московскую городскую думу, состоявшихся 25 июня 1917 г., Б. И. Сыромятников баллотировался от партии Народной свободы, т. е. кадетов. Правда, на этот раз на выборах лидировали кандидаты от *социалистов*, и он не был избран³². Июльский кризис 1917 г. показал ему, что его предупреждения про *государственную и общественную разруху*, про *внутреннюю анархию* были небеспочвенны. Вскоре после этих событий он опубликовал еще одну публицистическую брошюру, где доказывал необходимость единения вокруг Временного правительства и продолжения войны до победного конца. Как историк права он отмечал, что «самодержавное государство в течение многих веков держало русский народ в суровой школе безправия» и что «в глазах народа “правительство” всегда являлось в виде злой и враждебной силы». В результате «незаметно для него самого в народе росло и развивалось открытое неуважение к праву и власти вообще. Таким образом, <...> выходило так, что анархическое правительство воспитало в своих подданных невольных *анархистов*». В условиях же революционной свободы получилось, что «сидящий в каждом русском человеке *внутренний анархист*, сбросив с себя гнет и “страх” старого режима, начинает заявлять о себе громче и резче». Именно это, по его мнению, приводит к росту *анархии*, включая и попытку свержения большевиками Временного правительства в июле 1917 г. Более того, Сыромятников заявил, что «во всех этих анархических выступлениях явно проглядывает *немецкая* организующая рука, а под благородным стягом социализма явно орудует контр-революционная провокация так называемых “большевиков”, этого позорного пятна русской революции». Он сетовал, что большевистская «предательская агитация находит достаточно широкий отклик в темных чувствах народной массы». И далее Сыромятников вновь обращался к теме готовности основной части *народа* к демократии: «Великое несчастье русской революции в том и заключается, что всеобъемлющий переворот захватил Россию <...> “не готовой к великой

кована политическая статья другого историка права С. Б. Веселовского (*Веселовский С. Б.* Организация местного самоуправления // Русское слово. 1917. 16 марта. № 60). Правоведы довольно активно проявили себя как публицисты. Кто-то, как Б. И. Сыромятников, пытался отстаивать определенную линию политического поведения, кто-то же, как его будущие советские коллеги С. Ф. Кечежян или А. Л. Саккетти, популярно разъясняли базовые правовые категории (*Кечежян С. Ф.* Учредительное собрание. М., 1917; *Саккетти А. Л.* Учредительное собрание и основные законы государства. Пг., 1917). См. также: Юристы и Революция: Pro et Contra / авт. и сост. С. М. Шахрай, К. П. Краковский. М., 2017.

³² Список гласных Московской Городской Думы на 1917–1918 гг., избранных 25 июня 1917 года. Приложение к № 89 Ведомостей Комиссариата Московского Градоначальства. [М., 1917]. С. 8.

борьбе”. А эта неподготовленность объясняется более всего тем обстоятельством, что государство старого режима оставило новой свободной России *100 миллионов неграмотных людей*»³³. Переходя к вопросу о политической тактике, историк утверждал, что в текущих условиях первостепенная задача — это доведение войны до победного конца, ведь «только <...> обеспечив России полную внешнюю независимость от немецкого оружия и эксплуатации немецкого капитала, мы вправе обратиться к нашим внутренним домашним делам». В связи с этим Борис Иванович заявлял: «Поэтому мы считаем серьезной и опасной ошибкой Временного Правительства, которое, не решаясь взять в свои руки твердую власть и будучи терроризовано все-растущей внутренней анархией, спешит объявить кратчайший срок для учредительного собрания! Мы полагаем вообще, что созыв учредительного собрания во время войны вещь опасная и несправедливая»³⁴.

Как представитель Константиновского межевого института Б. И. Сыромятников 12–15 августа принял участие в Государственном совещании в Москве³⁵. Накануне он также присутствовал на Московском совещании общественных деятелей 8–10 августа, где был запечатлен фотографом вместе с будущим отцом Белого движения генералом М. В. Алексеевым³⁶. Развитие событий в России явно не внушало Сыромятникову оптимизма. Анализируя результаты *городских выборов*, прошедших летом в стране, Борис Иванович писал: «Если прислушаться к голосам русской революции, раздающихся кругом нас, и присмотреться к тому, что творится повсюду, то можно — пожалуй — подумать, что мы живем в социалистической стране, в некоем социалистическом царстве! В самом деле, Россия в наши революционные дни положительно кишмя кишит “социалистами” всевозможных званий. Меньшевики, большевики, социал-демократы “единства”, социалисты-революционеры, народные социалисты, трудовики и т. д. заполнили собой ряды русских граждан и увлекли за собой»³⁷. Для него это было весьма тревожным симптомом, ведь Россия, с позиции закономерностей

³³ Сыромятников Б. И. Великий исторический переворот и наш гражданский долг. М., 1917. С. 31–34. В другом месте брошюры он не менее жестко высказался о большевиках: «Под благородными лозунгами и священными знаменами революции в стране работает шайка продажных предателей и немецких агентов, новых Мясоедовых и Сухомлиновых от революции, ненавистников *свободной России*» (Там же. С. 57).

³⁴ Сыромятников Б. И. Великий исторический переворот и наш гражданский долг. С. 58–59.

³⁵ Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 325.

³⁶ Московское частное совещание / фот. А. И. Савельева // Искры. 1917. № 32. С. 252.

³⁷ ОР РГБ. Ф. 366. К. 7. Д. 2. Л. 1.

исторического развития, как историк полагал, была совершенно не готова к социализму, т. к. она «до сих пор является, в ряду других государств, страной самой отсталой в экономическом и культурном отношении»³⁸. Указывая на нарастающую *внутреннюю анархию*, Сыромятников писал, что «темные народные массы, вырвавшись на свободу из романовской тюрьмы, как сорвавшийся с цепи раб, охваченные чувствами мести старому режиму, кидаются из стороны в сторону... Не будучи в силах сознательно разобраться в окружающих явлениях, <...> люди устремляются за первыми встречными демагогами или провокаторами, соблазненные заманчивыми обещаниями». Ведь «революция, конечно, не могла совершить чуда! Она не могла эти темные массы в мгновение ока превратить в сознательных граждан, культурных людей, истинных демократов». Да, «родина и революция в опасности. Но эта опасность пришла к нам не оттуда, откуда ее ожидали, не со стороны приспешников “старого режима”, а со стороны тех “демократических”, народных низов, от которых теперь приходится бороться гибнущую демократическую Россию»³⁹.

Уже 5 сентября, комментируя критику кадетов в связи с образованием нового Временного правительства, Б. И. Сыромятников — как публицист-ученый — заявлял: «Не должно быть никакого сомнения в том, что революция в России никоим образом не может носить характера “пролетарской” или тем более социалистической, а является очевидно и неизбежно революцией “буржуазной” или, правильнее, буржуазно-демократической. Это понимали такие подлинные представители рабочей демократии, как Плеханов». Однако «события последних дней», т. е. корниловский мятеж и его крах, «ясно показали, что революционная демократия идет не за Плехановыми, а за наследниками и преемниками Ленина, которые ведут ее по пути отнюдь не революционно-демократических, а чисто-анархических выступлений». Сыромятников полагал, что это ведет страну в сторону «катастрофического падения в бездну контр-революции». В связи с этим он сетовал: «Великое несчастье русской революции в том и состоит, что у нас налицо не оказалось достаточных кадров настоящих демократических элементов среди массы населения, но зато, как справедливо подчеркнул <...> министр-президент Керенский, оказалось “слишком много невежества”». Соответственно, «это величайшее народное невежество и является в последнем счете той почвой, на которой таким махровым цветком расцвел анархический большевизм с его донельзя упрощенной демагогией». Раз так, то не следует удивляться, что «такой борец за права демократии, как Плеханов, оказался бойкотированным в среде революционной демократии, а истинным

³⁸ Там же. Л. 1 об.

³⁹ Там же. Л. 9, 10.

господином положения среди масс явились большевики, которые <...> ничего общего с подлинным социализмом и демократизмом не имеют». И далее Сыромятников давал такую характеристику *большевизму*: «Большевизм — это не порождение свободной демократической России, а ужасное наследство старого режима». Историк полагал, что это «самая яркая манифестация того анархизма, источники которого глубоко гнездятся в темном состоянии невежественных масс, воспитанных в развращающей школе бесправия подлинно анархического режима романовской империи». Основываясь на этом, Борис Иванович утверждал, что «победа большевизма является поражением демократии, а вместе с тем, и поражением свободной России». Размышляя о перспективах развития революции, Сыромятников писал: «Совершенно очевидно, что без представительства цензовых и буржуазно-демократических элементов невозможно образование национальной сильной власти, невозможно <...> спасение России и завоеванных ею свобод». Ведь «наша революция исторически <...> несет необходимо буржуазно-демократический характер». Соответственно, он утверждал, что кадеты, как партия «буржуазно-демократическая», должны занять важное место во Временном правительстве, т. к. «в рядах этой партии сконцентрированы в значительной части цвет и мозг русской интеллигенции, а за ее спиной стоит передовая промышленная и цензовая Россия»⁴⁰.

В другой публицистической работе, написанной в конце лета — начале осени 1917 г., Б. И. Сыромятников не без горечи цитировал слова из речи А. Ф. Керенского от 4 августа, что в российском народе «слишком много невежества и слишком мало опыта в вопросах управления государством»⁴¹. Историк-юрист восклицал: «Да, слишком много невежества! *Старый режим оставил в этом отношении поистине ужасное наследство свободной России*, — наследство, которое убийственным проклятием тяготеет над русской революцией и для ликвидации которого потребуются работа многих и многих поколений»⁴². Он рисовал удручающую картину состояния России, которое было напрямую связано с этим *невежеством*: «Озираясь окрест, мы всюду видим развалины и картину разрушения — дезорганизацию армии, безпримерное падение производительности труда, полное разстройство торгово-промышленного аппарата и питания страны, прогрессирующее разрушение транспорта, аграрную анархию и расхищение естественных богатств страны и народного капи-

⁴⁰ С[ыромятников] Б. [И.] В борьбе за власть // Русское слово. 1917. 5 сентября. № 203. С. 3.

⁴¹ Милоков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 276.

⁴² Сыромятников Б. И. Революция, демократия и народный университет // Педагогические известия. 1917. № 2. С. 8.

тала, полное безвластие и господство самосуда и самоуправства всех видов, а, главное и самое грозное, — глубочайшую деморализацию населения, утратившего всякое государственное чувство и даже первобытный “общежитный” инстинкт!» Развивая свои предыдущие мысли об исторических закономерностях и готовности России к переменам, Сыромятников писал, что «железная логика истории привела *безграмотную, некультурную страну*, в величайший момент перелома в судьбах русского государства, в такое состояние, что мы с полным основанием можем утверждать, что *самым опасным врагом свободы и революции России в наши дни является не кто иной, как, именно, сама русская демократия*, сам русский народ в его многомиллионной темной массе»⁴³. Именно этим Сыромятников объяснял все растущую популярность большевиков. Дело в том, что «в *этом безпросветном народном невежестве должны мы найти и ответ на вопрос, почему русская революция так быстро и роковым образом выродилась в анархию* и почему, именно, “большевизм” получил такую популярность среди так называемой “революционной демократии”. Ведь по существу большевистская демагогия, спекулирующая на народном невежестве, не включает в себе ни грана демократизма; она апеллирует к низменным чувствам толпы, разжигая ее темными чувства ненависти и беспомощности призывами к голому насилию, захватам, самоуправству и самосуду, провоцируя ее обещаниями самых фантастических “завоеваний”, щедро раздавая с митинговой трибуны и “землю”, и “волю”, и капиталы, и все сокровища мира»⁴⁴. Он сводил политическую программу *большевизма* к примитивному разграблению, которая легко увлекла «за собою темную стихию толпы, в которой так легко разбудить погромные инстинкты, те самые, на которых так часто при старом режиме играл черносотенный “большевизм”». Итак, Сыромятников перестал воспринимать *большевизм* лишь как результат деятельности немецкой агентуры. Это политическое явление для него вытекало из всей предшествующей истории России. И, поскольку оно явно не вписывалось в сыромятниковские представления о том, в чем состоит прогрессивное историческое развитие, историк попытался объяснить его через логику регресса: «Анархический большевизм с его победоносными завоеваниями среди широких масс является таким образом ничем иным, как печальным пережитком старого режима, опасным *порождением той психологии толпы, которая веками слагалась в суровой школе полицейско-бюрократической государственности старого самодержавного строя*»⁴⁵. В противовес

⁴³ Там же. С. 5.

⁴⁴ Там же. С. 6–7.

⁴⁵ Там же. С. 7.

этому Сыромятников предлагал продолжение культуртрегерства: «Одним из самых могущественных средств в борьбе с темной стихией анархии является именно широкая демократизация культуры знания»⁴⁶.

Захват большевиками власти в октябре 1917 г. был довольно тяжелым ударом для Б. И. Сыромятникова. Т. В. Иванова вспоминала о его крайне негативной реакции на это событие. Она — восемнадцатилетняя дочь фабриканта — с энтузиазмом восприняла перемены и, став по призыву новой власти учительницей первого класса начальной школы для девочек, уже в 1918 г. повела своих учениц на Первомайскую демонстрацию. Кроме того, весной этого же года она «вступила в партию большевиков. Ведь комсомол еще не был организован», и даже «была введена в состав бригады, которой вменялось в обязанности обследовать жилые особняки района на предмет реквизиции их под детские учреждения». По ее словам, Борис Иванович очень остро отреагировал на ее политическую позицию: «Профессор Сыромятников <...> люто вознегодовал на меня, объявил штрейкбрехером и окончательно запретил маме встречаться со мной. Хотя мама и не послушалась этого запрета, но открыто высказать ему свое ослушание не посмела, а виделась со мной с тех пор только украдкой»⁴⁷. В интервью 1991 г. Т. В. Иванова поясняла, что ее штрейкбрехерство для Сыромятникова заключалось в том, что она шла «против своего класса». Ретроспективно оценивая события прошлого, Иванова замечала: «Он был прав. Но я его считала ретроградом»⁴⁸.

О мрачных умонастроениях Б. И. Сыромятникова после прихода к власти большевиков свидетельствуют его маргиналии на полях книги Р. В. Иванова-Разумника «Год революции», которая вышла в начале 1918 г. Так, «рядом с тем местом, где Иванов-Разумник говорит о мировой революции как об альтернативе крушению европейской культуры, Сыромятников вставляет вопрос: “Конец цивилизации?” Возле названия книги Мережковского, которую Иванов-Разумник критикует, “От войны к революции”, Сыромятников предлагает свой вариант: “От революции к реакции”»⁴⁹. Итак, ход революционных событий от февраля 1917 г. к началу 1918 г. на фоне продолжавшейся Первой мировой войны подводил историка к мыслям о конце цивилизации и торжестве *регресса*. При этом он не мог не думать о *своем классе* и о его роли в произошедшем. В неизданной статье «Трагедия

⁴⁶ Там же. С. 9.

⁴⁷ Иванова Т. В. Мои современники, какими я их знала. С. 557, 559, 558.

⁴⁸ См.: Тамара Иванова: «Жить в объединенном человечестве» // Смена. 1991. № 2. С. 50.

⁴⁹ Иванов В. В. Предисловие редактора английского издания // Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000. С. 17. Прим. 1.

русской интеллигенции» он писал: «Анализируя события и ход русской революции, ее роковые итоги, приходится с тяжелым чувством признать, что, родив прекрасное дитя свободы, она разрешилась безобразным выкидышем анархии». Как отмечает В. В. Тихонов, «причину этого ученый находил в неспособности интеллигенции повести за собой народные массы, в ее оторванности от простых людей, непонимание их устремлений и надежд. В ответ на это простые люди стали “чуждыми и даже враждебными интеллигенции”»⁵⁰. Что же до него самого, то, как *сознательный гражданин*, в этой ситуации Борис Иванович разве что мог попытаться продолжать, вспоминая слова Н. А. Некрасова, сеять «разумное, доброе, вечное», пусть и надежда на благодарность от *народа* была не столь велика.

В связи с этим неудивительно, что в 1918 г. Б. И. Сыромятников принял участие в открытии Костромского народного университета. В рамках работы этого учреждения предполагалось прочесть цикл «Русская культура в прошлом и настоящем» с привлечением «профессоров Б. И. Сыромятникова и П. Н. Сакулина, приват-доцентов В. Н. Бочкарева, В. М. Экземпларского, М. М. Шульгина, В. И. Пичеты и В. И. Анисимова». Правда, из-за ряда политических событий, включая известное восстание в Ярославле, с лекциями выступили только Сыромятников, Сакулин и Бочкарев⁵¹. Сыромятниковское выступление состоялось 28 июня (н. с.) 1918 г. Согласно записи одного из слушателей, оно началось с таких слов: «Может быть многие скажут, до науки ли теперь, когда в жизни творится что-то такое ужасное; голод, распри и междоусобицы, но именно теперь-то и нужно стремиться к науке, ибо только через науку и знание прежней жизни можем устроить новую лучшую жизнь». Подходя к революционным событиям как историк, признающий наличие закономерностей, Борис Иванович говорил: «Происходящее неизбежно в истории. Ненависть угнетенных против прежнего порядка, вырвалась у народа в грубых формах, в грубых потому что народ не подготовлен к строительству. Разрушаются памятники старины, уничтожаются ценности, позабыты ценные люди и царит анархия в стране». В связи с этим он заявлял: «Народ сделал огромную ошибку, оттолкнув интеллигенцию, тогда как с ее помощью устроить жизнь можно было бы легче. Не штыками и пулеметами устраивается жизнь, а умелой, дружной, смелой и упорной работой всех свободных граждан, и когда народ поймет пользу науки, он будет жалеть, что по внушению ему прежним режимом и своему слабому сознанию не мог сразу оценить ее значение, как

⁵⁰ Тихонов В. В. Историк «старой школы». Научная биография Б. И. Сыромятникова. С. 26.

⁵¹ Сморчков В. К. Первый костромской вуз: время, люди, судьбы. Кострома, 2013. С. 23.

самое полезное в жизни». В завершение лекции, в которой он рассуждал о проблемах *просвещения народа* в России в XIX — начале XX в., Сыромятников указывал на фигуру Г. В. Плеханова, основателя «Р. С. Д. Р. П. Он говорил, что С. Д. лучше сумеет сделать революцию, опираясь на русский рабочий класс. Нужно эту партию организовать и помогать ей. Плеханов отец русской демократии обойден в настоящее время и забыт многими. Нас губит многопартийность. В 1905 году было 24 партии, что и обезсиливало революцию, тоже происходит и теперь». И, заключал Сыромятников, «чтобы воспитать народную массу, требуется много труда и дружной работы»⁵².

Не имея более возможности открыто критиковать большевиков, Б. И. Сыромятников делал это исподволь, упоминая фигуру «отца» российского марксизма Г. В. Плеханова, который, как было хорошо известно, являлся сторонником завершения в России *демократической революции* и в то же время полагал, что с позиции социально-экономического развития Россия еще не готова к революции социалистической. Более того, как отмечает С. В. Тютюкин, «Плеханов хорошо понимал, что без буржуазной цивилизации и буржуазной демократии (со всеми их изъянами и пороками), на одном бунтарстве и патриархальном коллективизме “снизу” и насилии “сверху” социализм построить нельзя»⁵³, из чего вытекали соответствующие выводы о необходимости просветительской работы. При этом он публично в 1917 г. заявлял, что российский *пролетариат* может и даже должен сотрудничать с *буржуазией* как в сфере развития *производительных сил*, так и в сфере *социальных реформ*⁵⁴.

Тем не менее захват власти большевиками был фактом, как и их успехи в ее удержании, так что Сыромятникову приходилось приспосабливаться к новым реалиям. И, что не менее важно, ему было необходимо как-то осмыслить эти новые реалии и даже провести некоторую ревизию своих представлений об исторических закономерностях, ведь *анархия* была пресечена, а по мере развития социалистического проекта в Советской России с помощью сыромятниковских идей образца 1917 г. было весьма проблемно объяснить достижения новой власти.

⁵² Зимин М. Первые чтения в Костромском Народном Университете // Трудовой путь. 1918. № 14. С. 10–11.

⁵³ Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 375.

⁵⁴ Там же. С. 346.

Научное издание

Михаил Александрович Киселев

**«РЕГУЛЯРНОЕ» ГОСУДАРСТВО ПЕТРА I
В СТАЛИНСКОЙ РОССИИ**

**Судьбы историков права в контексте научных
и идеологических баталий советского времени**

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 18.11.2020. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 35. Тираж 300 экз. Заказ № 2046

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

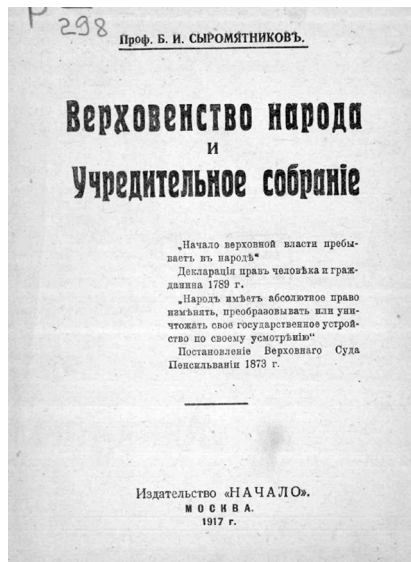
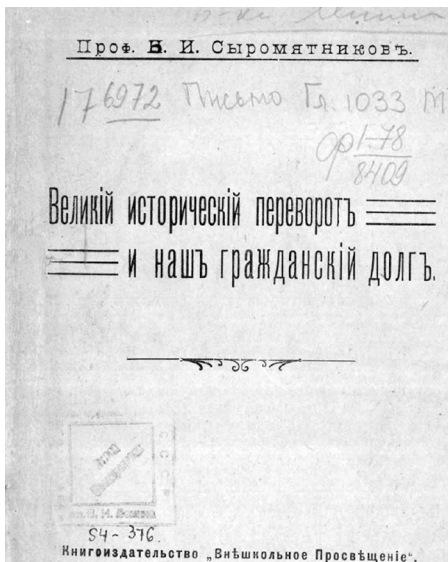
Б.И. Сыромятников

1. Борис Иванович Сыромятников, 1916 г.

2. Беседа генерала — будущего основателя Белого движения и профессора — будущего советского правоведа во время Московского частного совещания 8 августа 1917 г.

3. Публицистика Б. И. Сыромятникова в 1917 г.

4. Борис Иванович Сыромятников и его супруга Мария Потаповна, 1920-е гг. (?)

5. Б. И. Сыромятников — заведующий библиотекой Научно-исследовательского института текстильной промышленности, между 1930 и 1935 гг.

КИСЕЛЕВ
Михаил Александрович

Кандидат исторических наук (2010), старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Доцент кафедры истории России Уральского федерального университета. Сфера научных интересов — государственное управление России XVIII в., история российского дворянства, российская общественно-политическая мысль XVI–XX вв., советская историческая наука.

ISBN 978-5-4469-1714-3

9 785446 917143